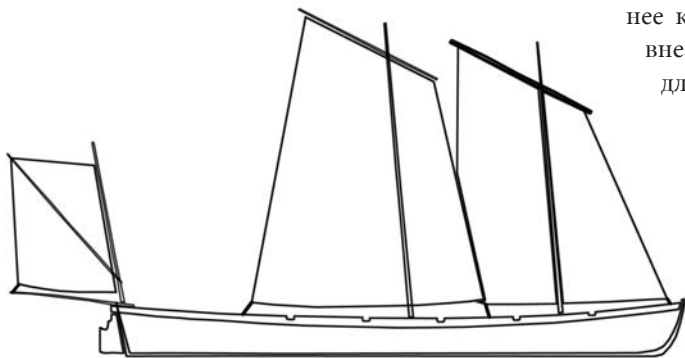

Андрей Енатко

К фортам Финского залива

Чертеж гички. Предоставлен М. Плехановым

Бывают плавания, на которые настраиваешься заранее как на увеселительную прогулку, но которые внезапно оказываются серьезным испытанием для тебя и твоих товарищей.

Хмурым сентябрьским вечером мы выходили из Невы в Финский залив. Залив был неспокоен. Его свинцовая поверхность возмущалась, и волны, накатывая на берег, с грохотом разбивались о прибрежные камни. Мы шли на веслах, и я сразу почувствовал, как лодку качало и все стали сбиваться с ритма, цепляясь в воде веслами.

— Следить за счетом! — раздалась команда нашего рулевого Артема. — И раз... и два...

Преодолевая водные преграды, лодка продолжала идти вперед. Я с трудом ворожал четырехметровым веслом и всматривался в темнеющий горизонт. Наш путь лежал к фортам Финского залива, разбросанным вокруг Кронштадта... Эти каменные фортификационные сооружения на островах, маленькие неприступные крепости, безмолвно обращенные пустыми глазницами к заливу, всегда меня привлекали. Но из-за своей изолированности и секретности их посещение долгие годы оставалось мечтой...

Лодка, несущая нас к заброшенным фортам, сама несла в себе частицу истории: она в точности повторяла французскую капитанскую гичку конца XVIII века. Двести лет назад, когда французы воевали с ирландцами, последние захватили в своей бухте Бантри-Бэй вражеский фрегат «Резолоп». На его борту они обнаружили парусно-гребную лодку, предназначавшуюся для доставки капитана на берег. Ирландцы сняли гичку с борта фрегата и сохранили ее до нашего времени. Сейчас эту реликвию можно увидеть в Морском музее Дублина, столицы Ирландии.

Несколько лет назад морской исторический клуб «Штандарт», руководствуясь старинными чертежами, построил точную копию гички из Бантри-Бэй. Позднее участники строительства ходили на ней на международную выставку деревянных судов в Котку. Тогда мы за трое суток долетели до финских берегов с двумя лишь остановками на форте Тотлебен и на Березовых островах. Командовал лодкой Владимир Мартусь, строитель и капитан фрегата «Штандарт». Теперь Володя занимался другими морскими проектами, и у него почти не было свободного времени. А мы как раз планировали завершить сезон, пройдясь на гичке по заливу. Решили идти без Мартуся, тем более маршрут был знакомый: к фортам Кронштадта мы плавали неоднократно.

В сентябре темнеет быстро, и пока мы спускались по Неве, наступили сумерки. Финский залив предстал перед нами совсем не таким, каким мы привыкли его видеть в течение лета: агрессивные волны бесчисленными шеренгами шли нам навстречу. Они легко поднимали нашу лодку, бросали ее на следующий гребень и мчались дальше. Иногда какая-нибудь высокая волна с шумом разбивалась о планширь, и тогда ледяные брызги летели в гребцов... Наступила ночь, и землю теперь можно было определить только по огонькам, рассыпанным вдоль побережья. Встречный ветер не давал нам поднять паруса,

но вот он сменил направление, и с кормы раздалась команда:

— Готовсь к постановке фока и грота!

Я вскочил, но тут же схватился за борт, так как стоять в лодке было невозможно. Нас сильно качало и трудно было найти точку опоры.

Мы обхватили длинную мачту, лежащую вдоль борта. Необходимо было поставить ее в вертикальное положение и закрепить. Мачта поднимается все выше, качаясь вместе с нами и лодкой. Я упирался в древко плечом и, задрав голову, следил за гуляющей верхушкой. Ну, еще немного... Нет, не поднять. Тем временем кто-то из команды бросается нам на помощь. Мачта опять идет вверх... Угрожающе кренится и в какое-то мгновение мне кажется, что все мы сейчас упадем вместе с ней в воду. Большая волна, приподнявшая лодку, убегает дальше, а мы с мачтой возвращаемся в нормальное положение... Щелчок. Есть! Мачта встала в специальное гнездо, и я быстро закрепляю его у самого основания.

— Фок, очень долго! — раздается с кормы голос Артема.

И он, конечно, прав. Все команды на воде надо выполнять слаженно и скоро, в каких бы погодных условиях они ни подавались. Но у нас не хватает опыта и сноровки; из всего экипажа лишь трое достаточно хорошо работают с парусами. Артем больше года учился корабельному делу в Канаде. Юля и Дина принимали участие в походах на ледях викингов по новгородским озерам и Черному морю. Остальные, включая меня, новички в этой области, и теперь, сидя в качающейся лодке посреди ночного залива, я заметил, что нас таких оказалось слишком много. Это меня и беспокоило. Судя по огонькам, берег был далеко, а волнение все усиливалось; случись что — надо рассчитывать только на себя. Может, пока не поздно, повернуть к берегу, а не идти к Кронштадту, который неизвестно где? Но решать за Артема не приходилось.

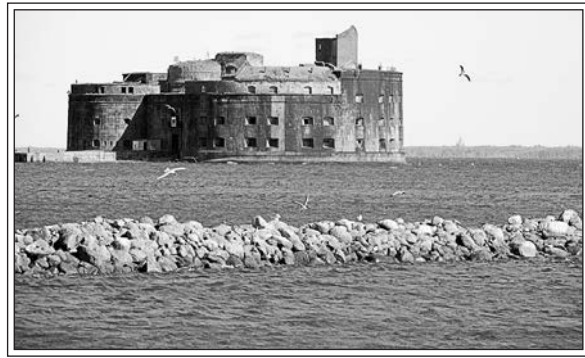
— Фок и грот, готовь паруса! Левый галс. Фок, пошел вверх!

Мы втроем навалились на веревку, вытягивая ее на себя. Парус заскользил по мачте, хлопая у нас над головой.

— Грот пошел!

В одно мгновение паруса наполнились ветром, веревки натянулись, и гичка понеслась вперед. Волны одна за другой стали разбиваться о ее носовую часть, усыпая брызгами команду фока.

Мы летели по ночному заливу туда, где, по мнению Артема, должен был находиться Кронштадт. На горизонте растянулась цепь разноцветных огней; некоторые из них тускло

Форт Александра I (Чумной)

мигали, затем ярко вспыхивали снова. «Если это Кронштадт, то почему тогда не виден купол Морского собора? — думал я. — Он всегда хорошо освещен ночью... Правильно ли мы идем?»

Разговоры в лодке постепенно смолкли, и чувствовалось всеобщее напряжение. Очевидно, не я один размышлял об этом.

— Никто не взял бинокль? — нарушил тишину Артем.

Выяснилось, что никто. Карты и компаса на борту тоже не оказалось, и нельзя было определить наше местонахождение в эту холодную сентябрьскую ночь посреди Финского залива.

Я держал в руках шкот и, затаив дыхание, прислушивался к порывам ветра. Натянутый над головой парус раскачивал мачту. Она выгибалась и протяжно скрипела. Мне пришли на память лермонтовские строки:

*Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...*

Очень метко схвачено. Интересно, что поэт написал свой «Парус» на берегу Финского залива, будучи в Петергофе...

Мои мысли были прерваны каким-то оживлением, царившим в лодке.

— Что случилось?

— Баржа... Они нас не видят.

Действительно, нам навстречу двигался темный силуэт, обозначенный лишь одним красным огоньком. Огонек стремительно приближался. Размеры баржи были внушительны; такая махина под килем пропустит и не заметит... Мы попытались уйти в сторону, но при сильном волнении наш маневр не удался. Расстояние между нами и баржей неумолимо сокращалось. Ее зловецкий силуэт вырастал на глазах, и было очевидно, что через несколько минут она пройдет на опасном расстоянии от нас. У гички не было опознавательных огней, и рулевой на судне, конечно, не мог предположить, что прямо по его курсу находится

На борту гички. Фото А. Епатко

открытая парусная лодка с двенадцатью людьми на борту.

Артем, приподнявшись с кормы, оценил оставшееся расстояние:

— У кого есть фонарик? Светите на парус! Быстро!!

Кто-то достал из рюкзака фонарик, и в следующую секунду вспышка озарила белое полотнище над нами. Свет разлился по всему парусу, высвечивая контуры нашей гички. Все с напряжением всматривались в силуэт баржи. Заметят или нет?

Черная громадина продолжала еще какое-то время идти на нас, пока не замедлила ход. На ней загорелся зеленый огонек, означающий «расходимся правыми бортами». Баржа прошла невдалеке, оставив после себя широкий кильватерный след.

После этой встречи мы посадили на нос впередсмотрящего, который должен был докладывать о любых судах прямо по нашему курсу.

Чем ближе мы подходили к цепи сияющих огней, тем больше грузовых судов маячило вокруг. Все это время я не выпускал шкот из рук, и мои пальцы совсем закоченели на ветру. Вдобавок пошел мелкий холодный дождь. Всё в лодке пропиталось водой и стало сыррым и скользким. Я с досадой думал о своем рюкзаке с сухой одеждой, которая наверняка промокла.

Пора было и к ночлегу, но мы до сих пор не знали, где находимся. Впереди сияли огни, напоминающие нам о земле. Однако они могли быть всего лишь фонарными столбами на дамбе. Там не пристанешь — сплошная гряда валунов; ни бухты, ни гавани... Я смотрел на эти мерцающие загадочные огни и старался припомнить карту Финского залива, которую рассматривал дома

бесчисленное количество раз. Где же мог быть Кронштадт? Единственный его ориентир — купол Морского собора, видимо, был плохо освещен. Я предложил Артему идти на скопление разноцветных огней, но, как потом выяснилось, это были материковые огни Ломоносова...

Уже не помню, кто первым из нас различил в дымке долгожданный купол кронштадтского собора. Мы летели к нему на всех парусах, подгоняемые порывами ветра. По мере приближения к острову

нам стали попадаться буи и опознавательные знаки. Ничем не освещенные, они таили в себе немалую опасность. Артем решил не рисковать: мы убрали паруса и поплыли к берегу на веслах. Близость земли подействовала на всех успокаивающе, но высаживаться в закрытом Кронштадте в те годы было нельзя: могли арестовать нас и наше судно. Нам ничего не оставалось, как идти на форт Чумной, находящийся с другой стороны острова Котлин.

Мы гребли вдоль южной стены Кронштадта, стараясь держаться подальше от нее. Волны были здесь довольно высокие и при неосторожном маневре нас могло бросить на каменную кладку. Неожиданно стена круто повернула к западу. Мы обогнули мрачный бастион крепости... и крепко схватились за весла. Не сделай мы этого инстинктивно, их бы вырвало у нас из рук. Здесь царил настоящий ад: ничем не сдерживаемые огромные валы, катившиеся сюда из Балтики, разбивались о западные стены кронштадтской крепости. Отхлынув, они сталкивались с вновь прибывшими. Получался эффект «стоячей волны», опасный не только для гребных лодок, но и для закрытых яхт. Нас стало швырять из стороны в сторону, грести было невозможно, длинные весла, не имеющие уключин, бились в своих портах. Вокруг гички беспорядочно гуляли внушительные волны, похожие на настоящие водяные пирамиды. О высадке на берег не могло быть и речи; нас разбило бы в щепы, вздумай мы приблизиться к нему. Позже Артем признался мне, что был момент, когда он растерялся — гичка, попав в «стоячую волну», перестала слушаться руля...

Пробившись через волнение, гичка проскользнула в относительно тихую гавань, где стояли военные корабли. Днем сюда нельзя было подойти и на

пушечный выстрел, а под покровом темноты мы свободно прошли меж стальными гигантами, минуя якорные цепи. Разумеется, здесь тоже нельзя было высаживаться и нам пришлось грести к следующему выходу из гавани. Хотелось поскорее дойти до Чумного, но при мысли, что нам придется снова выйти в открытый залив, было несколько не по себе.

Мы навалились на весла, направляя лодку к выходу из бухты. Внезапно до меня донесся монотонный ревущий шум. Я оглянулся, всматриваясь в темноту: впереди бурлила белая полоса...

— Артем! Ты видишь?!

Рулевой среагировал моментально:

— Табань!

Мы бросили весла на воду и принялись лихорадочно грести в обратную сторону. Еще немного, и наша лодка налетела бы на волнорез, перекрывающий выход из гавани.

Огибать ночной Кронштадт — дело не из приятных. Только мы выпли в открытый залив, как глухой удар потряс гичку... Что это? Мель? Волнорез?

— Весла! Береги весла!

Вдоль борта проходил черный буй, в который мы врезались в темноте. Все стали поочередно поднимать весла, пропуская неожиданное препятствие. «Больше никогда не пойду на воду ночью», — подумал я.

...Мы качались в открытом заливе, пытаясь различить форт Чумной. Невдалеке от нас шел залитый огнями многоэтажный лайнер «Берлин». Его рассеянный свет, озарявший пространство вокруг, позволил нам увидеть контуры Чумного. В километре от нас поднималась из воды мощная крепость округлой формы. В свое время такой форт мог быть непреодолимой преградой для неприятельского флота. Его настоящее название — форт «Император Александр I». Что касается Чумного, то рассказывают, что в начале века сюда свозили больных чумой, где они, отрезанные от всего мира, могли спокойно умереть. Когда все было кончено, для уничтожения следов эпидемии форт обложили горючими материалами и подожгли. Трое суток был охвачен пламенем форт «Александр I», а шлейф дыма еще долго застилал небо над заливом. С тех пор его стены покрывают

Гичка под парусами. Фото предоставлено М. Плехановым

следы копоты, которые придают крепости зловещий вид.

...Мы подходим к Чумному на веслах. У причала мерно покачивается деревянная яхта с задраенными люками; экипаж, наверняка, спит. Тихонечко швартуемся рядом. Нагруженные вещами, мы окунаемся во мрак казематов Чумного и, ведомые лучом фонарика, поднимаемся по лестницам наверх. Наши шаги гулко отдаются в пустых помещениях форта... Стало немного светлей, и Артем выключает фонарик. Вот и место для ночлега — просторный каземат с двумя окнами — амбразурами. Мы расстилаем влажные спальные мешки и залезаем в них. Но мне не спится. На часах пять утра. Я поднимаюсь и подхожу к амбразуре. За окном расстилается синеватая гладь залива. От нас на юг уходит цепочка островов с разрушенными фортами, когда-то прикрывавшими Петербург. Невдалеке на рейде стоит военный корабль. Светает.

Епатко Андрей Юрьевич

Историк. В 1997 г. окончил исторический факультет СПбГУ. 12 лет назад впервые посетил Валаам и «заболел» Русским Севером. Печатался в журналах «Нева», «Вокруг света», «Сто дорог», «GEO». С 2004 г. — научный сотрудник Русского музея (СПб.).

Автор выражает признательность за предоставленные иллюстрации русскому представителю в *Atlantic Challenge* (Международные соревнования на гичках) Михаилу Плеханову (СПб.).